

УДК 115:316.4.06

(БЕС)ПОРЯДОК ВРЕМЕНИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ¹

О.В. Головашина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», г. Тамбов

Анализируются мероприятия современной политики памяти через категории «порядок времени» и «режим историчности» Ф. Артога. Показано, что для современных россиян характерны разные «порядки времени», и в качестве камертона для их синхронизации государство выбрало День Победы. Официально утвержденную память о Победе защищает первый российский коммеморативный закон, принятый 4 апреля 2014 г. Другие мероприятия государственной политики памяти транслируют те же смыслы, что и День Победы.

***Ключевые слова:** социальная память, гражданская идентичность, порядок времени, социальное время, политика памяти, День Победы, коммеморативные практики.*

Кто такой современный россиянин? Это хипстер, набирающий на макбуке статью для иностранного издания, бизнесмен, который, ожидая пересадки в очередном европейском или азиатском аэропорту, делает срочные звонки, житель якутского поселка, берущий в подпольном магазине еду в долг под охотничий сезон, рабочий завода в районном центре, который тоже пользуется Интернетом, потому что там есть «одноклассники», продавец со счетами в сельской автолавке, учитель в русской школе в Паттайе и многие другие, одно перечисление разнообразия которых достойно отдельной публикации. Все они сейчас граждане России, однако кажется, что живут в разных временах. Возможно, хипстер с макбуком считает себя более современным, чем его дальние родственники из какого-то села в N-ском районе, однако сама категория «современность» уже предполагает, что одни – современные – живут правильно, в ногу со временем, а другие безнадежно отстали, и даже Интернет им не поможет. Однако в якутском (приморском, рязанском и т. п.) поселке знают только ту «современность», которая рядом с ними, а проблемы бизнесмена, у которого разряжается телефон во время важного разговора, для них значат примерно столько же, сколько страдания главных героев очередного сериала по каналу «Россия».

Дело не в «современности» как определенном ярлыке, а в самой темпоральной ситуации, которая заставляет использовать ярлыки. Прошлое не проходит, потому что есть непрекращающиеся воспоминания, «мемориальный бум», будущее не наступает в условиях «тирании момента» (Т.Х. Эриксен), настоящее оказывается еще более зыбким, чем во времена критиковавшего эту категорию Августина. Если прежде недостаточная предсказуемость объясня-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

лась несовершенством познавательных возможностей субъекта, т. е. самого человека, а не особенностями данного мира, то наш мир, в отличие от практически «безвременья» архаичного общества и относительной последовательности Модерна, имманентно нестабилен, изменчив, постоянно возникающий; он не создан за шесть дней, а продолжает создаваться, эволюционировать. «Современная темпоральность несет в себе импульс перехода, перерастания в иное состояние, отличное от нее самой» [1, с. 102–103]. При этом время упорядочено, даже если в кто-то будет называть окружающий порядок хаосом, ускорением и нелинейностью, а кто-то – повторять знакомые поколениям пословицы про рака и прошлогодний снег. «В том, что существует определенный порядок времени, или вернее порядки, которые изменялись в зависимости от места и времени, не сомневается никто. Порядки эти, впрочем, настолько императивные, что люди подчиняются им сами по себе: помимо воли, и даже против воли, не осознавая того или осознавая, – настолько эти порядки в природе самих вещей» [2]. Как не пытаются физики доказать определенную абстрактность времени, для брокера, почти круглосуточно наблюдающего за динамикой акций, или студента, готовящегося в последнюю ночь к экзамену, время кажется абсолютно конкретным, подчиняющим их жизненный мир, диктующим порядок. Кому-то оно напоминает о себе кривой курса акций на мониторе, кому-то – звонком на урок, графиком движения общественного транспорта или началом посевной. Проблема данной темпоральной ситуации в том, что тяжело успеть отвезти ребенка в школу к звонку, когда на очередной азиатской бирже обвал, а привычка ориентироваться на сельскохозяйственные циклы мешает понимать сына, уехавшего в столицу, который каждый день жалуется на дедлайны на работе. Это для примера. Если в рамках одной семьи еще можно договориться (для синхронизации придумали семейные традиции и государственные праздники, хотя, это, конечно, не панацея), то синхронизировать порядки времени всех граждан государства в этой «текущей современности» (З. Бауман) очень тяжело. А без синхронизации невозможно говорить о сплоченности общества, социальной стабильности, да и решать частные задачи, регулярно возникающие перед государством (например, выборы).

Цель данной статьи – рассмотреть способ согласования порядков времени при помощи мероприятий политики памяти, проводимой государством.

М. Фуко, а затем и Ж. Делез обратили внимания на то, что современность – это время не исторических целей, а исторических разрывов. Преодоление подобных разрывов, «щелей между прошлым и будущим» (Х. Арндт), французский исследователь Ф. Артог связывал с «режимом историчности», под которым он понимал «способ осветить, практически изнутри, сегодняшние вопросы относительно времени: имеем ли мы дело с забытым прошлым или с прошлым, слишком часто актуализируемым; с будущим, которое почти исчезло с горизонта, или с будущим, скорее угрожающим нам своим неизбежным приближением; с настоящим, беспрестанно тонущим в сиюминутности или почти статичным и бесконечным, если не вечным?» [2]. То есть, режим историчности – это определенный метод согласования прошлого, настоящего и будущего. Потребность в этом усиливалась по мере усложнения окружающего мира и достигла апогея в конце XX в., когда конструирование прошлого стало одной из наиболее эффективных стратегий формирования идентичности.

В своей статье Ф. Артог описывает несколько «универсальных историй». Это и метафора, воплощенная в статуе, явившейся во сне Навуходоносору – стадийная концепция, до сих пор популярная у исследователей, доказывающих, что некоторые государства более современные, чем другие; и апокалипсическое видение Августина как все еще встречающаяся в историографии идея законченного линейного исторического нарратива. Однако стадийность обернулась колониализмом, переосмысление которого стало источником признания разнообразия культур, а линейная история невозможна в мире без будущего. Понятно, что в эпоху интенсивного конструирования национальных мифов идеологам также приходилось иметь дело с различными порядками времени, однако эти порядки были относительно известны и выражение их предсказуемо. Сейчас «мы переходим из эры заранее заданных реферативных групп в эпоху универсального сравнения, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежна неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [3, с. 13]. Поэтому формирование успешных государственных нарративов затруднено несогласованностью порядков времени, но именно эта несогласованность является показателем необходимости «режима историчности», так как «режим историчности хочет стать эвристическим инструментом, помогающим лучше постичь не время вообще, все времена или целостность времени, но, главным образом, кризисные моменты времени, когда начинают терять свою очевидность сочленения прошлого, настоящего и будущего» [2].

Государство, как и во времена «печатного капитализма» (Б. Андерсон), заинтересованное в хотя бы относительной сплоченности общества, пытается синхронизировать порядки времени своих граждан. Несмотря на тома попыток деконструкции, «недоверия к метанарративам» (Ж.Ф. Лиотар), история остается привычным, хотя и все менее эффективным способом этого. «Режим историчности» – это не история, но с помощью этого понятия мы «касаемся одного из условий возможности производства историй: в зависимости от взаимоотношений настоящего, прошлого и будущего, некоторые типы историй возможны, а другие – нет» [2]. Линейный исторический нарратив невозможен, если представления о прошлом ограничивается тремя поколениями, а остальное – «Далекая пора, старина. Мохом поросло, не видать», а прогрессивные модели плохо осваиваются людьми, которые живут по принципу «Как жили деды да прадеды, так и нам жить велели» [4]. В погоне за моментами последовательный рассказ о том, «откуда есть и пошла Русская земля» покажется, как минимум, неинтересным. Многие люди остались ориентированными, прежде всего, на новое, и последние открытия того, как оно было на самом деле, от попыток симуляции научности до откровенной фантастики под обложкой наконец-то открытых тайн, вызывают больше интереса («цепляют» – это наиболее выигрышная стратегия в условиях переизбытка информационного шума), чем статьи из рекомендованного Министерством образования очередного пособия. Поэтому все более продуктивной стратегией становится не выпуск новых учебников патриотизма под видом преподавания истории, а политика памяти.

В отличие от исторического образования, политика памяти не претендует на объективное отображение фактов или событий прошлого – что вызывает понимание у образованных интеллектуалов – а предлагает акцентирова-

ние актуальных в данном политическом контексте определенных трактовок исторических событий. Т.е. вместо печатного капитализма приходит «изобретение традиций» (Э. Хобсбаум), вернее, «мест памяти» (П. Нора), потому что ничего из изобретенного не может стать той традицией, которая когда-то выступала фундаментом бытия. Создание и внедрение последовательных нарративов требует времени и внимания – одних из самых больших современных дефицитов, поэтому политика памяти направлена на решение ситуативных задач, постоянно возникающих перед государством. Речь идет не о создании нового, а об акцентировании некоторых деталей старого, но забытого или почти забытого, что кажется актуальным в данный момент.

В условиях разных времен и разных историй, характерных для современных россиян, главным событием, которое используется для синхронизации порядков времени, оказывается Великая Отечественная война (ВОВ). Благодаря усилиям еще советской пропаганды, которая использовала победу в 1945 г. в качестве подтверждения успехов социалистического строительства, сложившимся и актуализированным в 2000-е коммеморативным практикам, ВОВ, на настоящий момент, является наименее спорным событием отечественной истории последнего столетия. Более того, к каждому новому юбилею, День Победы приобретает все более сакральный характер, что повышает его роль в формировании социальной сплоченности, но мешает адекватной оценке.

Так как тема памяти о Великой отечественной войне является одной из самых популярных в отечественных «memory studies», в данной работе будут рассмотрены только коммеморативные мероприятия государства последних лет, которые еще не получили должного осмысления в социально-философских работах.

4 апреля 2014 г. в России был принят первый и, на данный момент, единственный мемориальный закон. Сама концепция мемориального законодательства идет из Европы. Вторая мировая война стала свидетельством краха ценностей Просвещения, долгое время воспринимаемых как общеевропейские. «Начиная с эпохи Просвещения и по сей день модерном, современным считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» [5, с. 40-41], однако после 1945 г. рефреном западной культуры становится не преодоление прошлого, а его использование в качестве ресурса. Новые ценности, которые А. Меркель теперь называет европейскими, были связаны с переосмыслением опыта Второй мировой войны. В Австрии и Германии законы, предполагающие ответственность за отрицание Холокоста, были приняты вскоре после войны, но их сложно назвать именно мемориальными, так как речь пока шла не о памяти, а о краеугольных камнях фундамента новой европейской идентичности. Франция прошла долгий путь к принятию аналогичного закона в 1990 г. после шумевшего дела Роберта Форрисона. Французский литературовед (р. в 1929 г.) доказывал, что Холокост был придуман сионистами и все свидетельства о нем сфабрикованы евреями. Суд признал его виновным в фальсификации истории, а Европейская комиссия по правам человека отказала в его иске, опираясь на статью 17 Конвенции, которая предназначена, чтобы «помешать тоталитарным группам эксплуатировать в своих интересах принципы, сформулированные в Конвенции». После Франции, во избежание прецедентов, аналогичный закон был принят в Бельгии. Таким образом, сформированным к тому времени европейским ценно-

стям, был придан статус законодательной нормы, правда, в ущерб другой объявляемой в качестве такой же незыблемой ценности – свободы слова

В России поводом для принятия мемориального закона послужил, в общем, аналогичный случай сомнения в том, что уже успело стать бесспорным, причем сомнения, способного вызвать раскол, слишком опасного, чтобы оставлять его без внимания со стороны государства. 27 января 2014 г. на радиостанции «Дождь» был опубликован знаменитый опрос «не стоило ли отдать Ленинград нацистам, чтобы спасти тысячи жизней». Опрос продлился около 10 минут (53 % опрошенных ответило, что сдача Ленинграда помогла бы спасти жизни обычных людей), и был удален из-за резкой реакции блогеров главным редактором портала Ильей Клишиным. Однако опрос уже успели называть «кошунством» [6], а тех, кто его проводил – «нелюдями» [7]. Ирина Яровая упрекнула «Дождь» в попытке реабилитации нацизма, используя таким образом ту же самую формулировку, которая встречается во внесенном ею законопроекте [8].

Попытки внесения мемориальных законопроектов были и ранее (проекты Б. Шпигеля, К. Добрынина), однако они так и не принимались. Ситуация с «Дождем» стала сигналом, в котором законотворцы увидели необходимость охраны сакральной памяти. Проект Яровой уже рассматривался депутатами в 2010 г. Тогда за эталон отношения к нацизму были взяты решения Нюрнбергского трибунала, несмотря на сложность его интерпретации. Весной 2013 г. к проекту вернулись, опять же, из-за информационного повода. Либеральный журналист Леонид Гозман усомнился в серьезной разнице между СМЕРШем и СС [9]. Общественность возмутилась, а вице-спикер Думы потребовал наказания, подчеркнув, что «Мы ответственны за сохранение исторической памяти, обязаны сберечь ее для будущего поколения россиян» [10].

4 апреля 2014 г. законопроект Ирины Яровой был принят единогласно, несмотря на то, что несколькими днями его упрекали в «правовой размытости» [11]. Закон предполагает преследование и наказание за реабилитацию нацизма. Хорошее название, если бы существовали четкие критерии, что считать нацизмом и какие действия можно отнести к его реабилитации. Вот что об этом написано в тексте закона. За «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично» можно получить штраф в 300 тыс. руб. или год исправительных работ [12]. Стоит обратить внимание, что эта поправка не имеет хронологических рамок, и под ее действие попадает не только возможная критика действий Красной армии в первые годы Великой Отечественной войны, но и осуждение Александра Невского за близкие контакты с монголами или прежде невинный вопрос «а что мы празднуем 4 ноября»? Хотя самый главный вопрос связан со способами оценки «неуважения к обществу». Скорее всего, «общество» должно интуитивно понимать, что будет неуважением, а что нет, а для этого оно уже должно быть относительно целостным с уже сложившимся представлением о знаковых исторических событиях, но сейчас констатировать этого нельзя.

По тексту закона заметно, кого государство считает своей опорой. Источником памяти могут являться не только предназначенные для этого коммеморативные объекты, но и любые вещи. Тяжело воспринимать новое, глядя

на советский сервант с хрусталем, фотографируясь на фоне ковра, глядя на застройку 1970-х. В таких районах поменялось только количество и марки машин, да и сотовые телефоны. Здесь сложно говорить о новых тенденциях и общаться концептами континентальной философии, однако хорошо идет знакомый дискурс об уголовной ответственности за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично» [12]. Эта формула напоминает о статье 190-1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй»). Несмотря на то, что последний период СССР еще находится в коммуникативной памяти (Я. Ассман), для многих он уже стал мифом, источником ностальгии или – наоборот – тем периодом, который до сих пор во всем виноват. «Вечный огонь» или хотя бы памятник павшим в каждом населенном пункте является центром коммеморативных практик, но обычно рядом с ним продолжает стоять статуя Ленина. Образы памяти синкретичны, и сложно отделить один смысл от другого. Сакрализация победы в ВОВ служит, как это уже начиналось в конце 1960-х – 1970-е гг., оправданием успешности социалистического пути развития, который и стал источником появления «народа-победителя». Этот образ проходит красной нитью через практически все, инициированные государством, мероприятия политики памяти.

В рамках последних мероприятий государственной политики памяти можно рассматривать и попытку изобретения традиции – «День народного единства». В рамках данной работы важно, что, несмотря на разницу в периодах, не совместимую с принципом историзма, об изгнании поляков из Москвы говорят в том же дискурсе, что и борьбе с нацизмом. «Тогда люди разных вер, разных национальностей, сословий объединились для того, чтобы спасти Родину, отстоять российскую государственность. Это было подлинное национальное единение во имя будущего нашей страны» [13]. Если убрать слово «сословие», то сам текст вполне может быть описанием подвига народа в ВОВ. Как и День Победы, День народного единства «знаменует преданность нашего народа своей стране, родной земле», что нерасторжимость такой связи, ответственность за Отечество «всегда служили основой для независимости и суверенитета России, а патриотизм и любовь к Отчизне столетиями скрепляли нашу многонациональную страну» [14]. Описание торжественного шествия в ленте новостей легко перепутать с парадом 9 мая: «в городе-герое Севастополе праздник начался с церемонии возложения венков к Вечному огню. На улицах с утра шествия и гулянья в сопровождении военных оркестров. Горожане несли флаги и транспаранты, а молодежь скандировала патриотические лозунги» [15]. Как в советском анекдоте про инженера, который украл с родного завода детали, и решил сделать дома самовар, но как он не пытался, все равно выходил автомат, попытка организовать новый праздник все равно обернулось торжеством народа-победителя.

Таким образом, политика памяти используется для синхронизации многочисленных порядков времени современного россиянина. Основным камертоном является победа в Великой Отечественной войне, которая в отечественном коммеморативном пантеоне занимает главное место. Попытки «изобретения традиций», например, 4 ноября, культивируют те же смыслы, что и День Победы – единство всего народа, сплочение перед лицом внешней

угрозы, несмотря на существующие разногласия, самопожертвование ради общей цели. Эти смыслы образуют диктующий нормы и действия нарратив, который может быть использован акторами политического процесса для достижения своих целей.

Список литературы

1. Лиотар Ж.-Ф. Переписать современность // Ступени : Философский журнал. 1994. № 2.
2. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. 3(59) / URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (дата обращения 14.08.2016).
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Даль В. Пословицы русского народа // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/ (дата обращения 14.08.2016).
5. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.
6. «Кошунство»: опрос про Ленинград на «Дожде» шокировал Матвиенко // URL: <http://www.ntv.ru/novosti/835986/> (дата обращения 14.08.2016).
7. Телеканал «Дождь» в день снятия Блокады Ленинграда провел опрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы спасти сотни тысяч жизней?» // URL: <http://news-r.ru/news/society/17021/> (дата обращения 14.08.2016).
8. «Дождь» заявил о политической кампании против себя // URL: <https://lenta.ru/news/2014/01/27/dozhd/> (дата обращения 14.08.2016).
9. Журнал Леонида Гозмана // URL: <http://leonid-gozman.livejournal.com/150225.html> (дата обращения 14.08.2016).
10. Единоросс Железняк намерен наказать «болотный бомонд» за сомнения в подвиге СССР в Великой Отечественной // URL: <http://www.newsru.com/russia/14may2013/nazlaw.html> (дата обращения 14.08.2016).
11. Рункевич Д. Кремль не поддержал законопроект о запрете реабилитации фашизма // Известия 10.02.2014 // URL: <http://izvestia.ru/news/565382> (дата обращения 14.08.2016).
12. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. N 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (дата обращения 14.08.2016).
13. Президент России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23238> (дата обращения 14.08.2016).
14. Путин сегодня // URL: <http://www.putin-today.ru/archives/6601> (дата обращения 14.08.2016).

15. «Мы едины!» — 85 тысяч в Москве и сотни тысяч по всей России // URL: <http://www.ridus.ru/news/203338> (дата обращения 14.08.2016).

(DIS)ORDER OF TIME AND POLITICS OF MEMORY

O.V. Golovashina

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov

The article analyzes the event of contemporary politics of memory using the categories of «order of time» and «regimes of historicity» by F. Hartog. It is shown that for contemporary russians have different «orders of time», and to synchronize them, the government chose the Day of Victory. Officially approved commemoration of the Victory protects the first Russian commemorative act, adopted on 4 April 2014. Other policy measures memory broadcast the same meanings as the Victory Day.

Keywords: *Social memory, civic identity, order of time, social time, memory politics, Victory Day, commemorative practices.*

Об авторе:

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов. E-mail: ovgolovasina@mail.ru.

Author information:

GOLOVASHINA Oksana Vladimirovna – Ph.D., Associate Professor of philosophy and methodology of science, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov. E-mail: ovgolovasina@mail.ru.